

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЫШЕВ

младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, старший преподаватель кафедры речевой коммуникации факультета журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
malyshев.alexander@mail.ru

РАССУЖДЕНИЯ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ В «ПРИМЕЧАНИЯХ К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ВЕДОМОСТЯМ» (1728–1742)*

Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» – первое русское научно-популярное издание. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, которые хотели приобрести знания об окружающем мире. Уже на второй год существования «Примечаний» редакцией была определена стилистическая программа создания познавательных текстов: просветительские материалы должны были быть написаны простым языком, доступным для неискушенного читателя первой половины XVIII века. Издатели регулярно писали о том, что они стараются публиковать статьи, полезные и приятные для чтения, в том числе за счет максимально понятного, «ясного» изложения, при этом отмечалось, что создание языка для подобных сочинений лишь начинается. Теоретические установки редакции воплощались практически: язык «Примечаний» быстро эволюционировал, став достаточно гибким для своего времени. Рассмотрение стилистической политики «Примечаний» позволяет также осветить истоки литературно-эстетической полемики середины XVIII века, участниками которой были М. В. Ломоносов и В. К. Тредиаковский, в молодости сотрудничавшие в «Примечаниях» и испытавшие воздействие «требований простоты и понятности» до начала их полноценной литературной жизни.

Ключевые слова: русская журналистика XVIII века, русский литературный язык XVIII века, историческая стилистика

«Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» представляют собой уникальное в истории отечественной журналистики двухязычное немецко-русское периодическое издание, си-лами сотрудников Академии наук выходившее в России почти 14 лет и ориентированное одновре-менно на русского и иностранного читателя, не обладавшего полноценными знаниями по тому или иному предмету, но желавшего их обрести и чаще всего подготовленного к получению по-добной информации. В постпетровской России научно-популярной литературе, у истоков ко-торой стояли «Примечания», со временем было отведено особое место в процессе ознакомления русского читателя со знаниями об окружающем его мире.

Как отмечает А. В. Федоров, на рубеже XVII–XVIII веков между автором и читателем нередко возникал своеобразный «русско-русский» язы-ковой барьер: читатель мог не понимать вовсе или понимать со значительными затруднениями целые фрагменты читаемого им сочинения, что чаще всего было связано с лексическими и син-таксическими особенностями изложения [9; 28–29]. По наблюдениям С. И. Николаева, в петров-ское время абсолютное большинство переводов приходится на труды научного, учебного и про-светительского характера, на долю же «художе-ственных» сочинений – не более 4 % печатной продукции [5; 4, 13–14]. Хрестоматийным при этом стало требование Петра I переводить тек-

сты максимально точно и понятно [3; 36–39], [6; 210–214], которое, однако, далеко не всегда выполнялось даже при его жизни [8; 63–64]. Это указание оставалось актуальным и после смерти Петра I, став одной из основных установок для издателей «Примечаний».

Издатели «Примечаний» прекрасно осозна-вали, что языковые и стилистические средства играют определяющую роль при изложении в статьях сведений самого разного рода (в «При-мечаниях» публиковались статьи о химии, физи-ке, географии, истории, генеалогии, археологии, промышленности, культуре и др.). Именно поэтому в ежегодных приветственных обращениях к читателю, с 1729 года традиционно занимавших первый номер журнала, мы неоднократно обна-руживаем мнение о языковых и стилистических принципах изложения публикуемых статей (от-метим, что в них мы не встретим употребления собственно слова *стиль*, хотя речь идет, конеч-но, именно о стилистической стороне вопроса). Первые подступы к выражению этого мнения встречаются в 1729 году в объяснении назначе-ния «Примечаний»: «При сем подается тебе паки начатие некоторых новых трудов, которые токмо ради увеселения тебя, и ради твоей пользы вос-прияты (в цитатах сохраняются орфография и пунктуация оригинала. – А. М.)» (1792, I)¹. Пред-ставляется очевидным, что традиционное для XVIII века сочетание приятности и полезности чтения было неразрывно связано с понятностью

текста: «темно» написанная статья наверняка вызвала бы у читателя естественное отторжение. Редакцией обозначается и стилистическая установка «Примечаний»: издатели старались «публичные ведомости нашим читателям толь *лучче и вразумителнее изъяснить* (здесь и далее курсив наш. – *A. M.*)» (1729, 2).

Издатели апеллируют к авторитету академической науки, решившей уделить внимание созданию познавательных текстов о разнообразных материалах: «Понеже Академия наук разпространение высочайших частей науки, что *не всякого человека дело есть*, другим родом писания, на Латинском языке, свету сообщает: то остались нам к описанию в наших листочках от части без многого размышления, искусством ведомыя, а от части такия истинны, которые *лехко познать можно*» (1733, 2). Важной заслугой авторов при сообщении этих знаний становится стилистическая доступность текстов «Примечаний» по сравнению с традиционными научными текстами. Показательно, что для подчеркивания этого достоинства публикуемых материалов издатели не без некоторой гордости прибегают к метафорическому контрасту: «Мы особливо о том тщание имели, чтоб некоторые нужные материи, которые от большой части великим мраком художественных слов покрыты, *не трудным и ясным* предложением на надлежащии свет вывесть» (1733, 2). Однако читателю русского и немецкого текста «Примечаний» не следовало думать, что писать понятным и доступным языком легко: это «так же не очюнь легкии труд есть, понеже как Немецкий язык, на котором мы пишем, так и Рускии, на которых наши мысли перекладываются, *ко изображению всех идеи еще не довольно способен*» (1733, 2). Развитие же языка, способного быть достаточно гибким и выразительным для создания познавательных и интересных текстов, определяется как забота ученых, направленная в будущее.

Издатели «Примечаний» сетуют на ученых, которые от обретенных знаний преисполняются самолюбием и презрением к миру, а потому либо скрывают знание от людей (прямым замалчиванием или нарочито усложненным изложением), либо напыщенно произносят прописные истины. Академический коллектив противопоставляет себя таким ученым и в предмете, и в манере изложения. Стилистическая ясность статей подчеркивается и несколько лет спустя – и вновь на контрасте с традиционным научным изложением: «Во всех оных описаниях последовали мы больше приятной всем читателям ясности, нежели обыкновенному в науках порядку» (1738, 2).

Подобные рассуждения содержатся не только в обращенных к читателю ежегодных приветственных словах, но и в некоторых статьях. Например, в статье «О металлургии, или рудокопной науке» (1738) после короткого вступления автор обещает читателю не перегружать текст

сложными для понимания словами: «Намерены мы, только между одними сию науку знающими людьми в обычай принятых, а прочим *неизвестных терминов, как возможно убегать*» (1738, 332). Данное обещание все же оказывается выполненным лишь отчасти: статья обнаруживает значительное количество специальной лексики, которая, впрочем, практически всегда получает пояснение от автора немецкого текста или от переводчика.

Язык «Примечаний» развивался, сотрудники этого необычного для России издания совершенствовались в искусстве написания и перевода занимательных статей просветительского характера. Теоретическая установка на простоту и ясность изложения в «Примечаниях» не расходилась с практикой: на лексическом уровне авторы немецкого текста «Примечаний» и академические переводчики стремились сделать тексты «прозрачными» для читателя, отсюда возникало значительное в ряде случаев количество внутритекстовых толкований лексики в пределах статьи (особенно в русскоязычном издании «Примечаний»). Как считает А. А. Алексеев, обилие подобных пояснений подчас могло восприниматься читателем не столько как помочь со стороны автора, сколько как навязчивый научный педантизм [1; 75–77]. Читатель «Примечаний» вряд ли мог заподозрить авторов статей в самолюбивом желании показать свое интеллектуальное превосходство, так как научно-популярное изложение при всей «популярности» в значительной мере оставалось все же научным, основанным на употреблении специальной лексики, поскольку «в научных и специальных контекстах предпочтение может отдаваться иноязычным словам как более “терминологичным”» [4; 59], ср. [10; 4–10]. Однако если авторы и переводчики первых лет издания «Примечаний» охотно употребляли «трудные» слова, снабжая их пояснениями и толкованиями, то в последние годы они предпочитали сразу ввести в текст понятный читателю аналог такого слова или его развернутое толкование (особенно это заметно в статьях, которые переводил в 1741–1742 годах М. В. Ломоносов). Кроме того, регулярно встречающиеся в статьях рубежа 1720–30-х годов *егда, понеже, ибо, яко, такожде, паки* и др. последовательно заменяются в дальнейшем на *когда, поскольку, потому что, для того что, как, также, вновь, снова* и др.

На уровне синтаксиса эта установка также получала реальное воплощение: в русском тексте «Примечаний» все реже встречаются устаревшие формы сказуемого с глаголом-связкой *быть* («художество как оныя (часы. – *A. M.*) делать, ныне довольно знаемо есть», «часы же с маєтником не так довольно знаемы суть» (1728, 61)), происходит переход от многосоставных предложений, отягощенных сложными оборотами церковнославянского языка, к зачастую

не менее распространенным, но более структурно организованным, а следовательно, более простым для читательского восприятия предложениям. В то же время в статьях последних лет авторская мысль часто выражается с помощью нескольких, пусть и осложненных, предложений, тогда как в статьях первых лет в таких случаях нередки монолитные многосоставные распространенные предложения, занимающие большой объем или даже составляющие целые абзацы. Нередко в русском тексте предложения строятся по модели немецкого языка, с которого и выполнялись переводы: «Пошли оныя разбойнические суда в море, и меньше часа помянутые галеры стали у них в виду, *за которыми* они тот час погнались» (1736, 78), «Лисицы оставили их в то время, *вместо которых* медведи появились» (1738, 95) и др.

Лексико-синтаксическую эволюцию «Примечаний» можно проследить на нескольких примерах. Для первых переводчиков «Примечаний» (М. Шванвиц, М. И. Алексеев, И. П. Яхонтов) типичными были предложения вроде: «Ныне легко разсудить можно, что, когда пары изтончаны и в ветр пременены, тогда нетак скоро паки другие в великом множестве в верх восходить могут, а прежде, нежели сие учинится, сокращается влажность от приближающейся зимней стужи, чего ради тот штурм, который еще востать может, недолго продолжается, и хотя от оного вода от части прибывает, то однакоже неможет оная ради недолгаго оного веяния розлитися» (1729, 335). Переводчики 1730-х годов (В. Е. Адодуров, И. И. Тауберт, С. С. Волчков) пишут более логично и доступно: «Ежели сие разсудить, и при том оное в помощь возьмем, что в прежних примечаниях сказано, а именно, что разноименные полусы один другого притягают, то можно будет легко заключить, что когда долговатой Магнит, по обоим концам свои пулусы (опечатка. – А. М.) имеющеи, по перег перережется, то обе стороны разреза еще вместе держаться будут, для того что по обоим сим концам разреза будут находиться разноименные полусы» (1733, 228). Наибольшее же мастерство обнаруживают переводы В. К. Тредиаковского: «Когда к растворенным в винном уксусе королькам приложатся несколько капель так называемого масла олеум тартари пер деликвиум, то тотчас белой порошок на дно сядет, которому так как и всем преждеобъявленным лекарствам удивительныя действия приписываются» (1741, 42), и М. В. Ломоносова: «Полученные хрусталики розвариваются в кипящем селитряном щолоке, которой чистою водою розведен, и после того отделяют <sic!> оставшуюся нечистоту негашеною известью, с которой она на дно упадает; чистой щолок с

верху сливают и слабым огнем вываривают, и после того снова в хрусталики садиться дают, и так получают чистую селитру» (1741, 358–359). Об удивительно быстрой языковой (в широком смысле) эволюции «Примечаний» справедливо писал П. Н. Берков: «Насколько грубы и неуклюжи обороты речи в “Примечаниях” конца 20-х годов XVIII в., настолько плавными и, во всяком случае, более гладкими делаются фразы в конце издания этого журнала» [2; 72].

Для своего времени «Примечания» были передовым изданием, пользовавшимся значительной популярностью у читателей самого разного социального положения; впоследствии именно по модели «Примечаний» издавались «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (а затем и «Новые ежемесячные сочинения»). Конечно, со временем стилистически устаревали и удачные русскоязычные статьи. Ю. С. Сорокин отмечал, что рукописная правка текста в хранящемся в Библиотеке Академии наук экземпляре «Примечаний» (речь идет о подготовке в 1760-х годах переиздания избранных статей «Примечаний») минимальна и преимущественно «сводится к замене некоторых устарелых служебных и полузнаменательных слов» [7; 22]. Мы не можем в данном случае полностью согласиться с Ю. С. Сорокиным, поскольку на некоторых страницах этого экземпляра правка значительна как по объему, так и по содержанию (происходит замена окончаний, слов и словосочетаний, переставляются местами части предложений и др.).

«Примечания» были первым отечественным периодическим изданием, ориентированным на массового читателя, которое обозначило свою стилистическую позицию и старалось неизменно придерживаться ее. Стилистические установки редакции «Примечаний» перекликаются с мнением раннего Тредиаковского о языке создания приятной для чтения литературы, высказанным им в 1730 году в знаменитом предисловии к переводу «Езды в остров Любви», и в известном смысле предваряют будущую полемику Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова. Если же учитывать, что молодые Тредиаковский и Ломоносов сотрудничали в «Примечаниях» в качестве переводчиков, а следовательно, не могли не получить от главного редактора указаний о принципах изложения переводимых ими текстов, то есть работали в рамках одной стилистической парадигмы, эта полемика обнаруживает еще один любопытный аспект, не отмеченный, насколько мы можем судить, в основных исследованиях по истории русского литературного языка XVIII века.

*Статья написана в рамках исследовательского проекта «Лексический фонд русского языка XVIII в.», поддержанного грантом РГНФ № 11-04-00080а.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. СПб., 1728–1742. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием года и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 68–95.
2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: АН СССР, 1952. 587 с.
3. Берков П. Н. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII в. // Описание изданий гражданской печати (1708 – январь 1725). М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 11–39.
4. Веселитский В. В. Иноязычные слова и их русские эквиваленты у Кантемира // Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965. С. 58–62.
5. Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 155 с.
6. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Ч. I. 613 с.
7. Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–42.
8. Сорокин Ю. С. У истоков литературного языка нового типа (Перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля) // Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. Л.: Наука, 1982. С. 52–82.
9. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: ИЛИЯ, 1953. 335 с.
10. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien: Adolf Holzhausens Verlag, 1956. 232 с.

Malyshev A. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

REASONING ON LANGUAGE AND STYLE IN “NOTES TO SAINT PETERSBURG SHEETS” (1728–1742)

The academic magazine “Notes to Saint Petersburg Sheets” is the first Russian popular scientific edition. The magazine was addressed to a wide range of readers who wanted to acquire knowledge of the outward things. Starting from the second year of the “Notes” existence the editors developed a particular stylistic program for informative texts’ creation: educational materials had to be written in simple words, which could be easily understood by the unsophisticated readers of the first half of the XVIII century. The editors regularly stressed the fact that they tried to publish articles useful and pleasant for reading. The goal was achieved by means of language simplification and use of “clear” statements. It was noted that the work on the language for such compositions was at its very beginning. Quite often introducing stylistic installations, publishers created metaphorical contrasts with the language of high science, which was unsuitable for the “Notes”. Theoretical installations of the editorial office were embodied practically: the language of the “Notes” evolved quickly. It became rather flexible and smooth with time. Consideration of the “Notes” stylistic policy also helped to reveal sources of literary and esthetic polemics of the middle of the XVIIIth century. Such prominent writers as M. V. Lomonosov and V. K. Trediakovskiy participated in the process in their youth. They worked in the “Notes” as translators and experienced the need for “simplicity and clearness” prior to the beginning of their full-fledged literary life.

Key words: Russian journalism of the XVIII century, Russian literary language of the XVIII century, historical stylistics

REFERENCES

1. Алексеев А. А. “Tilemakhida’s” epic style [Epicheskiy stil’ “Tilemakhidy”]. *Jazyk russkikh pisateley XVIII veka* [Language of the Russian writers of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. P. 68–95.
2. Берков П. Н. *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII veka* [History of the Russian journalism of the XVIII century]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 587 p.
3. Берков П. Н. The Russian book of the civil press of the first quarter of the XVIII century [Russkaya kniga grazhdanskoy pechati pervoy chetverti XVIII veka]. *Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati (1708 – yanvar' 1725)* [The Description of editions of the civil press (1708 – january 1725)] Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. P. 11–39.
4. Веселитский В. В. Foreign-language words and their Russian equivalents by Kantemir [Inoyazychnye slova i ikh russkie ekvivalenty u Kantemira]. *Problemy sovremennoy filologii* [Problems of modern philology]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 58–62.
5. Николаев С. И. *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [Literary culture of Petrovsky era]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996. 155 p.
6. Пекарский П. П. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. St. Petersburg, 1862. Vol. I. 613 p.
7. Сорокин Ю. С. On “The XVIII century dictionary of the Russian language” [O «Slovare russkogo jazyka XVIII veka】. *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo jazyka XVIII veka* [Materials and researches on lexicon of the Russian language of the XVIII century]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. P. 5–42.
8. Сорокин Ю. С. At sources of the literary language of new type (Transfer of Fontenelle’s “Conversations on a set of the worlds”) [U istokov literaturnogo jazyka novogo tipa (Perevod “Razgovorov o mnozhestve mirov” Fontenely)]. *Literaturnyy jazyk XVIII veka. Problemy stilistiki* [Literary language of the XVIII century. Stylistics problems]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. P. 52–82.
9. Федоров А. В. *Vvedenie v teoriyu perevoda* [Introduction to the translation theory]. Moscow, ILIYA Publ., 1953. 335 p.
10. Hüttl-Worth G. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien: Adolf Holzhausens Verlag, 1956. 232 s.